

УДК 347.9:340.15

Панин Максим Павлович
студент,
Юридический институт,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация,
e-mail: book27@yandex.ru

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ
В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ИСЛАНДСКИХ САГ И СОВРЕМЕННОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу института злоупотребления процессуальными правами на материалах средневековой Исландии эпохи саг (X–XIII века) и современного российского судопроизводства. Рассматриваются понятие и признаки злоупотребления процессуальным правом в доктрине современного процессуального права, особенности правовой системы Исландии эпохи народовластия, функционирование тингов и альтинга, роль обычного права и свода законов Грагас. На материале «Саги о Ньяле» и иных исландских саг выявляются конкретные примеры процессуальных уловок, а также способы противодействия им, применявшиеся годи и альтингом. Для оценки исторического материала в работе проанализированы актуальные механизмы противодействия злоупотреблениям в российских процессуальных отраслях с учетом позиций высших судебных инстанций. Сопоставление современного российского процесса с исландским правом эпохи саг позволяет рассмотреть злоупотребление процессуальными возможностями не только как результат действия отдельных норм, но и как следствие самой логики состязательного разбирательства. Исторический материал в этой связи может быть полезен при оценке современных средств противодействия недобросовестному поведению.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, исландские саги, Грагас, распря, добросовестность, история права, юридическая антропология.

Maxim P. Panin
Student,
Law Institute,
Samara National Research University,
Samara, Russian Federation,
e-mail: book27@yandex.ru

ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS IN HISTORICAL AND LEGAL PERSPECTIVE. A COMPARATIVE ANALYSIS OF ICELANDIC SAGAS AND MODERN COURT PROCEEDINGS

Abstract. This article offers a comparative legal analysis of the abuse of procedural rights in medieval Iceland during the Age of the Sagas (tenth to thirteenth centuries) and in contemporary Russian judicial proceedings. It examines the concept and defining features of procedural abuse in modern procedural-law scholarship, as well as the legal order of Iceland in the Commonwealth period, the operation of local assemblies (things) and the Althing, and the role of customary law and the Grágás law code. Drawing on Njáls saga and other Icelandic sagas, the article identifies particular instances of procedural stratagems and considers the means by which chieftains (goðar) and the Althing sought to counter them. The historical material is considered alongside current mechanisms for addressing procedural abuse in Russian procedural law, including the approaches adopted by the highest courts. The comparison suggests that the misuse of procedural rights should be viewed not only as a consequence of particular legal rules, but also as a feature inherent in adversarial proceedings. The Icelandic material may therefore assist in evaluating contemporary measures designed to curb bad-faith conduct in litigation.

Keywords: abuse of procedural rights, Icelandic sagas, Grágás, feud, good faith, history of law, legal anthropology.

Введение. Проблема злоупотребления процессуальными правами остается одной из наиболее острых для теории и практики современного судопроизводства. Стороны, обладающие формально законными процессуальными средствами, нередко используют их не столько для защиты действительного интереса, сколько для затягивания разбирательства, создания препятствий другой стороне или получения необоснованного преимущества. Арбитражные суды и суды общей юрисдикции сталкиваются с ситуациями, когда процессуальные действия (заявление ходатайств, представление доказательств, подача жалоб) приобретают признаки злоупотребления правом. Хотя обязанность добросовестного поведения закреплена в статье 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, М.Ю. Степаненко подчеркивает, что перед случаями процессуальных злоупотреблений оказываются уязвимы «даже страны с многовековой историей и глубокими юридическими традициями» [1, с. 191]. При этом само явление злоупотребления процессуальными правами далеко не ново. Обращение к материалам средневековой Исландии эпохи саг демонстрирует, что попытки использовать формальные процедурные возможности во вред противнику существовали задолго до появления писаного процессуального права в его современном виде [2, с. 18–19; 3, с. 83–84]. Исландское общество X–XIII веков, как известно, строилось на распре как основном способе регулирования конфликтов в условиях отсутствия централизованной исполнительной власти. В свою очередь, институты тинга и альтинга формировали те процедурные рамки, внутри которых стороны, не нарушая буквы закона, нередко изобретали весьма изощренные способы его

обхода [4, с. 109–111]. Безусловно соглашаясь с мнением А.Т. Горобенко о том, что «распря — это взаимные акты жестокости, направленные на достижение возмездия» [4, с. 109], мы полагаем, что сопоставление столь исторически удаленных правовых систем дает возможность проследить устойчивые модели поведения участников состязательного разбирательства. Сопоставление древнеисландских правовых сводов с актуальными позициями высших судебных инстанций Российской Федерации дает возможность выявить формы недобросовестного поведения и проследить логику противодействия им. Недостаточная изученность данной проблемы, а также отсутствие в действующем российском процессуальном законодательстве универсального легального определения злоупотребления правом, на наш взгляд, обуславливают необходимость дальнейшего теоретического осмысления этой категории для формирования единообразной судебной практики [5]. Особое значение эта проблема приобретает в сфере доказывания, где недобросовестное использование процессуальных возможностей может выражаться в манипулировании доказательствами, затягивании их представления и создании препятствий для установления обстоятельств дела [6].

Объектом исследования являются общественные отношения и правовые практики, складывающиеся при разрешении споров в средневековой Исландии эпохи саг и в современном российском судопроизводстве в связи с реализацией участниками процессуальных прав. Предмет исследования составляют формы, признаки и способы злоупотребления процессуальными правами, отраженные в текстах исландских саг и нормах свода законов Грагас, а также нормы российского процессуального законодательства, доктринальные подходы и судебная практика по вопросам выявления и пресечения такого поведения. Целью исследования является выявление общих закономерностей, сходств и различий в механизмах противодействия злоупотреблению процессуальными правами на основе сравнительного анализа исландского права эпохи саг и современного российского процессуального права. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определение признаков процессуальных злоупотреблений в современной доктрине; анализ судопроизводства Исландии эпохи саг (включая правовые своды Грагас, Ярнсида, Йонсбок); выявление примеров уловок в текстах саг; изучение современных правовых механизмов пресечения недобросовестного поведения в суде, а также итоговое сравнение этих двух правовых систем.

Исследование опирается на методы анализа, синтеза и обобщения, дополненные специальными юридическими подходами. В их числе — историко-правовая компаративистика (сравнение средневековой Исландии и современной России), формально-юридический анализ современных кодексов и древнего свода Грагас, а также метод юридической антропологии, применяемый для изучения саг как правового источника. Юридино-антропологический подход, сформировавшийся в 1970-е годы, позволяет рассматривать саги как относительно достоверный источник сведений об обычном праве и правоприменительной практике [4, с. 109–110].

Мы полагаем, что результаты настоящего исследования, расширяя теоретическую базу процессуальной доктрины за счет исторического материала, вполне могут найти практическое применение как при совершенствовании механизмов противодействия недобросовестному поведению, так и в учебном процессе.

Между тем, как показывает анализ современной российской правовой действительности, в процессуальной доктрине до сих пор не выработано единого легального определения злоупотребления правами, что, в свою очередь, порождает множественность научных подходов к осмыслению данной категории. Обращение к действующему законодательству позволяет утверждать, что кодифицированные акты ограничиваются лишь общими формулировками. Так, часть 2 статьи 41 АПК РФ, устанавливая обязанность участников процесса добросовестно пользоваться своими правами, предусматривает неблагоприятные последствия злоупотребления, однако не раскрывает сущностного содержания этого явления. Вполне сопоставимая конструкция обнаруживается и в части 7 статьи 45 КАС РФ: норма относит к основаниям для наступления процессуальных санкций недобросовестное заявление неосновательного иска, противодействие своевременному рассмотрению дела, а также иные формы злоупотреблений, оставляя их перечень открытым для судебного усмотрения [5; 7; 8].

Современные исследователи, в частности А.В. Юдин, определяют злоупотребление процессуальным правом как особую форму гражданского процессуального правонарушения, а именно: умышленные недобросовестные действия участников процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав [9]. Схожую позицию занимает Ю.М. Москвитин, отмечающий, что участники арбитражного процесса нередко используют формально предоставленные им права исключительно для создания видимости процессуальной активности при фактическом отсутствии намерения добиться разрешения спора по существу [10, с. 363–365]. Обобщение доктринальных позиций позволяет выделить следующие признаки злоупотребления процессуальным правом: наличие субъективного процессуального права в его формальном виде; недобросовестный характер поведения; противоречие целям и назначению конкретного процессуального института; фактическое или потенциальное причинение вреда другим участникам процесса либо задачам правосудия в целом. При этом, как подчеркивают В.В. Хрулева и А.Н. Мануковская, эта категория «не поддается точному нормативному определению», выступая в одном ряду с такими оценочными понятиями, как «разумный срок» или «значительный ущерб» [11, с. 88]. Именно поэтому злоупотребление следует отграничивать от добросовестного заблуждения и процессуальной ошибки исключительно с учетом цели, характера и совокупности действий участника процесса [6; 9]. Показательно, что уже в первых советских кодификациях законодатель осознавал опасность процессуальной недобросовестности. Статья 6 ГПК РСФСР 1923 года прямо предписывала сторонам добросовестно пользоваться своими правами, обязывая суд немедленно пре-

секать «всякие злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс» [12]. Однако сходные проблемы возникали задолго до появления современных процессуальных кодексов и разрешались в рамках обычного и раннего писаного права. Отсутствие развитой кодификации не исключало использования процедурных возможностей вопреки их назначению, хотя формы такого поведения зависели от устройства конкретной системы разрешения споров. Обращение к исландскому материалу эпохи саг представляет особый интерес, поскольку позволяет проследить способы распознавания и пресечения недобросовестного процессуального поведения в условиях состязательного разбирательства и децентрализованного правопорядка.

Историко-правовые особенности судопроизводства Исландии эпохи саг. Исландия периода 930–1262 годов представляла собой децентрализованное государственное образование: как отмечает А.Т. Горобенко, «с 930 по 1262 год Исландия была децентрализованным государством и несмотря на то что, в стране существовали законы и государственные институты, такие как тинг и Альтинг, не было какой-либо единой силы, которая могла бы контролировать самоуправство и защищать пострадавших от этого самоуправства людей» [4, с. 109]. Анализ фактического материала позволяет утверждать, что ключевыми источниками сведений о генезисе исландского правопорядка выступают два фундаментальных текста. Среди прочего, это «Книга об исландцах», представляющая собой раннее историческое повествование об учреждении альтинга и введении законов, а также Грагас — дошедшая до нас в рукописях XIII века обширная компиляция норм, действовавших в эпоху народовластия [4; 13; 14]. В свою очередь, институциональную основу этого общества составляли местные тинги и общеисландский альтинг, основанный около 930 года, на которых концентрировались судебные и законодательные функции. Примечательно, что согласно традиции, зафиксированной в упомянутой «Книге об исландцах», фундамент раннего исландского права образовали норвежские законы Ульвльота, адаптированные к специфике нового социума [4, с. 109]. Между тем, на наш взгляд, отдельного внимания заслуживает сама сага как жанр: находясь на стыке литературного творчества и исторического документа, она приобретает статус самостоятельного, глубоко специфичного источника сведений о функционировании обычного права в эпоху народовластия [15, с. 40–52]. Ключевую роль в этой системе играли годи — крупные землевладельцы, обладавшие судебными и представительскими полномочиями, и их тинговые (бонды) — рядовые землевладельцы, обязанные поддерживать своего годи на тингах в обмен на защиту [2, с. 9–11; 4, с. 109]. Отсутствие единого правителя при наличии институтов представительства, судебной и законодательной власти в лице альтинга позволяет характеризовать средневековое исландское общество как своеобразную республиканскую форму правления, а не как примитивное родоплеменное образование, каким его долгое время считали исследователи [3, с. 84–85; 4, с. 110]. Основой этого общества служила распря — взаимные акты, направленные на восстановление попорченной чести и достижение

возмездия, которая происходила преимущественно между равными по социальному статусу лицами и служила своеобразным механизмом замирения, а не проявлением анархии [2, с. 18–19; 4, с. 110].

Анализ материала позволяет утверждать, что процессуальная система Исландии эпохи саг всецело базировалась на обвинительном (частном) характере судопроизводства: возбуждение дела выступало исключительной прерогативой потерпевшей стороны или ее родственников, а отнюдь не публичного органа [4, с. 111]. В свою очередь, само судебное разбирательство, проходившее на тингах и альтинге, требовало неукоснительного соблюдения сложнейшей процедуры вызова свидетелей, объявления иска и назначения представителей. При этом весьма специфичной чертой, на наш взгляд, являлось правило, в силу которого индивид, посягнувший на чужую землю, полностью лишался защиты закона, становясь «*ohelgr*» — неприкосновенным в обратном смысле, что допускало его безнаказанное убийство прямо на месте правонарушения [4, с. 111].

Разделяя позицию А.А. Кочерина о том, что издание Грагаса, подготовленное В. Финсеном еще в 1852 году, репрезентует значительный массив правового материала, распределенного по пятнадцати тематическим разделам [3, с. 85; 13], мы хотели бы подчеркнуть одну важную закономерность. Упомянутый свод скрупулезно регламентировал порядок объявления исков, вызова свидетелей и формулирования обвинений [13; 14, с. 279]. Чем подробнее Грагас определял порядок процессуальных действий, тем большее значение приобретала каждая формальность. Нарушение процедуры могло решить судьбу тяжбы еще до того, как стороны переходили к существу конфликта. Между тем, в условиях отсутствия постоянно действующей исполнительной власти и аппарата принуждения, защита прав и практическая реализация судебных решений требовали от сторон обязательной опоры на авторитет годи и многочисленных союзников [4, с. 111]. Решая проблему оптимизации этой системы, в начале XI века исландское общество учреждает Пятый суд — высшую инстанцию для дел, ранее рассматривавшихся четвертными судами. Мы полагаем вполне обоснованной оценку А.А. Кочерина, согласно которой данный шаг не только логически завершил построение иерархии судов, но и существенно расширил доступ к правосудию для жителей различных регионов [3, с. 84]. Весьма примечательно, что примерно в этот же исторический период происходит и закономерный отказ от поединков на альтинге как легитимного способа разрешения споров [4, с. 112].

Обращаясь к вопросам материального права, следует указать на принципиальное различие между открытым убийством (*víg*) и убийством скрытым (*morð*). Вслед за М.И. Стеблин-Каменским мы отмечаем, что юридически значимым здесь выступало немедленное публичное объявление о содеянном, которое переводило конфликт в легальную плоскость и делало возможной выплату виры [15, с. 87]. Лицо, открыто заявившее об убийстве, сохраняло процессуальную правоспособность, тогда как сокрытие деяния стигматизировалось как постыдное и влекло объявление виновного вне закона [4, с. 112]. С другой стороны, хотя самостоятельное участие женщин в судах было ограничено, их социальное влияние

на ход родовых конфликтов оставалось колоссальным: именно они нередко побуждали мужчин к возмездию [2, с. 15–16]. Анализ рассмотренных институтов подводит нас к выводу о том, что формальные правовые рамки в древнеисландском обществе органично компенсировались родственной солидарностью.

Что касается литературных источников, то «Сага о Ньяле», предлагая одно из наиболее детальных в древнеисландской традиции описаний судебного разбирательства, все же требует — будучи текстом XIII века — критического сопоставления с правовыми актами той эпохи [2; 3]. Показательным примером изощенной процессуальной игры здесь выступает кульминационная тяжба о сожжении Ньяля, где сторона защиты заявляет сугубо формальное возражение о неподсудности, ссылаясь на принадлежность ответчика к иному годорду. Дальнейшее развитие конфликта лишь усугубляется строжайшими требованиями к правилам отвода и процедуре формирования Пятого суда [2, гл. 140–144]. Таким образом, исторический материал убедительно подтверждает: исход дела зависел не столько от фактической стороны конфликта, сколько от виртуозного владения формой. Мы полагаем, что использование исландцами формально безупречных возражений для прекращения тяжбы структурно предвосхищает именно те проблемы, которые современная юридическая доктрина квалифицирует как злоупотребление правом на заявление отводов и ходатайств.

Другой пример представляет собой намеренное затягивание процесса через множественные встречные иски и апелляции, целью которых было не восстановление справедливости, а истощение ресурсов противника и затягивание разбирательства до момента, когда исходный конфликт терял актуальность [2, с. 230–245]. Показательным является и эпизод с формальным объявлением иска в отсутствие ответчика либо в момент, заведомо неудобный для другой стороны, что позволяло инициатору процесса получить процессуальное преимущество без нарушения буквы закона [2, с. 120–140].

Особую категорию злоупотреблений составляли манипуляции с институтом представительства: годи, формально выступавший в качестве незаинтересованного посредника, зачастую преследовал собственные политические и имущественные интересы, используя процедуру примирения для укрепления собственного статуса, поскольку, по наблюдению А.Т. Горобенко, «годи, выступали ли они в качестве одной из сторон или же были третьим лицом, могли увеличить не только свои финансовые накопления, но и повышали свой политический и социальный статус среди населения острова» [4, с. 111]. Такая практика структурно предвосхищает современные проблемы конфликта интересов представителя стороны в процессе. На наш взгляд, весьма показателен тот факт, что именно подобные фабулы, изобилующие детальными описаниями судебных прений и процедурных хитростей, отчетливо отграничивают родовые саги от иных жанров средневековой исландской словесности. Это, в свою очередь, подтверждает их непреходящую ценность в качестве уникального источника по истории обычного права [15, с. 88–95].

Переходя к механизмам социального контроля, мы можем констатировать, что исландское общество исторически выработало целый спектр способов, позволявших не только сдерживать эскалацию распрей, но и переводить конфликты в русло мирного урегулирования. Вслед за А.Т. Горобенко, мы обращаем внимание на весьма специфическое выражение принципа соразмерности возмездия, метко сформулированное в тогдашнем негласном правиле: «Убивай лишь столько людей, за скольких сможешь расплатиться» [4, с. 111]. Как показывает анализ, выплата компенсации за убийство нередко становилась ключевым элементом соглашения между враждующими родами. При этом представляется важным подчеркнуть, что в исландских реалиях достижение такого консенсуса зависело преимущественно от доброй воли самих участников, тогда как, например, в Норвегии решающую роль мог сыграть конунг, обладавший ресурсом для силовой поддержки одной из сторон [4, с. 111].

Вышеизложенное подводит нас к заключению о том, что происходившая в тот период институционализация правосудия носила системный характер. В частности, учреждение в начале XI века Пятого суда, охарактеризованного А.А. Кочериным как инстанция последнего уровня [3, с. 84], логически завершило формирование судебной иерархии. Таким образом, последовавший законодательный запрет на проведение поединков в рамках альтинга не только существенно ограничил применение силовых методов разрешения споров, но и закономерно усилил авторитет формализованной процессуальной процедуры [4, с. 112].

После подчинения Исландии норвежской короне в 1262–1264 годах в 1271–1273 годах на острове постепенно вводилась Ярнсида, а в 1281 году ее сменила Йонсбок [3, с. 85–86]. Новое законодательство усилило участие королевской власти в преследовании тяжких деяний. Убийство стало рассматриваться не только как частный конфликт между родами, но и как преступление против короля [4, с. 112]. Вместе с тем изменения законодательства не устранили расприю из социальной практики. По замечанию А.Т. Горобенко, норвежскому королю «так и не удалось окончательно искоренить распри из жизни исландцев» [4, с. 112]. А.А. Кочерин приводит норму о примирении, согласно которой обидчик передавал потерпевшей стороне компенсацию, а участники соглашения клялись «оставить распри в этом деле» [3, с. 87]. Этот порядок показывает, что наряду с усилением королевской власти сохранялось стремление урегулировать конфликт через соглашение сторон и восстановление мира между ними.

Противодействие процессуальным злоупотреблениям в современном российском праве. Действующее российское процессуальное законодательство последовательно закрепляет обязанность добросовестного пользования правами в нескольких кодифицированных актах. Согласно части 2 статьи 41 АПК РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами, а злоупотребление ими влечет предусмотренные законом неблагоприятные последствия. В развитие этого положения часть 2 статьи 111 АПК РФ позволяет арбитражному суду отнести все судебные

расходы по делу на лицо, злоупотребляющее правами или не выполняющее процессуальные обязанности, если такое поведение привело к срыву судебного заседания, затягиванию процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного судебного акта. Аналогичная норма в гражданском процессе зафиксирована в части 1 статьи 35 ГПК РФ. В свою очередь, часть 7 статьи 45 КАС РФ указывает на наступление неблагоприятных последствий в случае недобросовестного заявления неосновательного административного иска, противодействия правильному и своевременному рассмотрению дела либо иного злоупотребления процессуальными правами [7; 8; 16]. В материальном праве статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает прямой запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, на действия в обход закона с противоправной целью, а также на иное заведомо недобросовестное осуществление прав. При этом разграничение материально-правового и процессуального злоупотребления не следует сводить к жесткому противопоставлению санкций. Согласно пунктам 2 и 4 статьи 10 ГК РФ, суд, учитывая характер нарушения, может полностью или частично отказать лицу в защите права, применить иные законные меры, а потерпевший получает право требовать возмещения убытков. Процессуальные же последствия напрямую зависят от конкретной нормы отраслевого кодекса и могут варьироваться от перераспределения судебных расходов и отказа в удовлетворении ходатайства до наложения судебного штрафа и иных мер [17].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 года № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» разъясняет, что вывод о злоупотреблении правом может быть сделан судом по собственной инициативе при очевидном отклонении действий участника процесса от добросовестного поведения [18]. В таком случае суд устанавливает обстоятельства недобросовестного поведения и применяет предусмотренные процессуальным законом последствия; дополнительный анализ этого положения представлен в источнике [19].

Заслуживает особого внимания Постановление Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 года № 65, разъяснения которого прямо направлены на обеспечение своевременной подготовки дела и предотвращение искусственного затягивания процесса на этой стадии [20]. В свою очередь, в административном судопроизводстве общим нормативным основанием противодействия недобросовестному поведению выступает часть 7 статьи 45 КАС РФ. Логично предположить, что именно эта норма, предусматривающая последствия неосновательного иска и воспрепятствования рассмотрению дела, формирует базовую рамку для оценки процессуальных злоупотреблений [8; 21]. Прослеживается весьма показательная закономерность и в вопросах предъявления самостоятельных исков, что наглядно иллюстрирует пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 года № 57. Суд указал, что возбуждение отдельного производства об оспаривании договора само по себе не препятствует рассмотрению дела о взыскании по нему [22].

Видится, что такой подход эффективно пресекает использование нового иска исключительно как средства блокирования первоначального разбирательства. Разумеется, суд должен оценивать конкретные обстоятельства, поскольку само обращение за защитой злоупотреблением не является. Развивая эту мысль, обратимся к проблеме судебных издержек. Разъяснения Пленума ВС РФ от 21 января 2016 года № 1 в системной взаимосвязи с частью 2 статьи 111 АПК РФ позволяют отнести все расходы на участника, чье поведение повлекло срыв заседания [7; 23]. Из этого закономерно вытекает, что неблагоприятное распределение имущественного бремени должно опираться не на сам факт процессуального проигрыша, а на мотивированно установленную связь между недобросовестностью и возникшими издержками [7; 23].

Есть основания утверждать, что действующее законодательство оперирует целой системой мер реагирования. Помимо имущественных последствий, принципиальное значение приобретают собственно процессуальные санкции (например, отказ в удовлетворении ходатайства по ч. 5 ст. 159 АПК РФ) и штрафные меры (гл. 11 АПК РФ и ст. 122 КАС РФ). Однако применение любой из этих мер требует доказывания умысла: усматривается, что обычная процессуальная ошибка или добросовестное заблуждение состава злоупотребления не образуют [5; 6; 7; 21].

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что сопоставление исландской и современной российской моделей позволяет выявить не столько универсальные правила квалификации злоупотреблений, сколько ограниченное функциональное сходство: в обеих системах соблюдение формальной процедуры кардинально влияло на исход спора. Находя убедительными аргументы А.А. Кочерина [3, с. 84; 13; 21], следует указать, что прямое отождествление этих исторически разнородных институтов методологически неоправданно. Если в современном арбитражном процессе закон прямо связывает отказ в ходатайстве с фактом злоупотребления, то древнеисландские категории лишения защиты имели иную правовую природу. Солидаризируясь с мнением исследователей [1; 3, с. 84; 21], необходимо подчеркнуть, что и сами институты тинга недопустимо рассматривать как полный аналог независимого государственного суда.

Главное различие связано с источником принуждения. Разделяя позицию А.Т. Горобенко мы отмечаем, что в эпоху саг противодействие правонарушениям осуществлялось самими сторонами в условиях отсутствия исполнительной власти [4, с. 109]. Современная же юстиция опирается на государственный аппарат. Справедливость этого суждения подтверждается тем, что исландская компенсация всегда оставалась договорной величиной, тогда как современный судебный штраф налагается властно и в одностороннем порядке [8; 21]. Реформы 1262–1264 годов подтверждают эту тенденцию: принятие новых сводов законов обозначило переход от частноправовой распри к публичному преследованию тяжких деяний [3, с. 85–86; 4, с. 112]. Оценивая исторический материал сквозь призму современных правовых реалий, есть основания утверждать, что устойчивость механизмов разрешения споров зависела не только от скрупулезной детализации норм, но и от способности сторон достигать компромисса. Чрезмерная строгость

процессуальных предписаний, с одной стороны, обеспечивает предсказуемость, а с другой — открывает простор для стратегического манипулирования правилами (что наглядно иллюстрируют судебные эпизоды «Саги о Ньяле») [2, гл. 140–144; 13]. В современном отечественном праве этот дисбаланс снимается механизмами судебного контроля: согласно пункту 4 постановления Пленума ВС РФ от 23 декабря 2021 года № 46, суд вправе по своей инициативе поставить вопрос о злоупотреблении [18]. Сказанное выше позволяет заключить, что компаративный анализ выявляет не прямую историческую преемственность, а устойчивое противоречие между требованием процессуальной формы и необходимостью пресекать ее недобросовестное использование.

Список использованной литературы

1. Степаненко М.Ю. Гражданская процессуальная ответственность за злоупотребление процессуальными правами / М.Ю. Степаненко // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 4 (32). — С. 187–194. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-23. — EDN: CIMMQU.
2. Исландские саги. Ирландский эпос / составление, вступительная статья и примечания М.И. Стеблин-Каменского, А.А. Смирнова; иллюстрации Рокуэлла Кента. — Москва : Художественная литература, 1973. — 862 с. — (Библиотека всемирной литературы. Серия 1; т. 8).
3. Кочерин А.А. Становление исландского права на примере средневековых правовых актов / А.А. Кочерин // Социология и право. — 2014. — № 4 (26). — С. 83–89. — EDN: TFCJEP.
4. Горобенко А.Т. Правовой аспект распри в средневековой Исландии / А.Т. Горобенко // Вестник Новгородского государственного университета. — 2015. — № 90. — С. 109–112.
5. Мирзоян А.Г. Злоупотребление процессуальными правами: понятие и признаки / А.Г. Мирзоян // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 26. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-ponyatie-i-priznaki> (дата обращения: 09.08.2026).
6. Дорохов М.А. Злоупотребление процессуальными правами при осуществлении доказывания в гражданском и арбитражном процессе / М.А. Дорохов // Femida Science : [сайт]. — 2022. — URL: <https://femida-science.ru/index.php/item/407-zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-pri-osushchestvlenii-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse> (дата обращения: 09.08.2026).
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : принят Государственной Думой 14 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : принят Государственной Думой 20 февраля 2015 г. : одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.

9. Юдин А.В. Применение арбитражными судами норм об ответственности за злоупотребление процессуальными правами / А.В. Юдин // Право и экономика. — 2006. — № 12. — С. 106–113.
10. Москвитин Ю.М. Злоупотребление процессуальными правами участниками арбитражного процесса / Ю.М. Москвитин // Молодой ученый. — 2021. — № 22 (364). — С. 363–365. — URL: <https://moluch.ru/archive/364/81586> (дата обращения: 09.08.2026).
11. Хрулева В.В. Некоторые вопросы понятия злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе / В.В. Хрулева, А.Н. Мануковская // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2 (46). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-ponyatiya-zloupotrebleniya-protsessualnymi-pravami-v-arbitrazhnom-protsesse> (дата обращения: 10.08.2026).
12. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (1923 г.) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 9 (13). — С. 196–213.
13. Grágás. Konungsbók / udgivet af Vilhjálmur Finsen. — Genoptryk af udgaven 1852. — Odense : Odense Universitetsforlag, 1974. — 250, 252, [14] p. — ISBN 87-7492-111-8.
14. Laws of Early Iceland: Grágás: The Codex Regius of Grágás, with Material from Other Manuscripts. Vol. 1 / translated by Andrew Dennis, Peter Foote, Richard Perkins. — Winnipeg : University of Manitoba Press, 1980. — 279 p. — (University of Manitoba Icelandic Studies; vol. 3).
15. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы / М.И. Стеблин-Каменский ; ответственный редактор Д.С. Лихачев. — 2-е изд. — Москва : Либроком, 2013. — 244 с.
16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : принят Государственной Думой 23 октября 2002 г. : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
18. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 // Российская газета. — 2021. — 30 дек. — № 296.
19. Новый Пленум ВС РФ: комментарий эксперта // Клифф : юридическая компания : [сайт]. — 2021. — URL: https://pravo.cliff.ru/news-legal/praktika-razresheniya-sporov/praktika-razresheniya-sporov_2488.html (дата обращения: 09.08.2026).
20. О подготовке дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2006 г.

№ 65 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2007. — № 2.

21. Арбитражные суды о злоупотреблении процессуальными правами // Делопресс : журнал о юридической практике : [сайт]. — URL: <https://delopress.ru/journals/law/protsessualnye-aspekty/60459-arbitrazhnye-sudy-o-zloupotreblenii-protsessualnymi-pravami/> (дата обращения: 09.08.2026).

22. О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 57 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 9 (202).

23. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 // Российская газета. — 2016. — 1 марта. — № 43.